

Хотя он и обладал всеми преимуществами — благоприятным временем, выгодным положением и поддержкой людей, — он не пошёл на государственную службу. После сдачи экзамена на степень цзюйжэня он оставался дома, наслаждаясь свободой, и когда приходило вдохновение, сочинял стихи и пил вино с друзьями, что доставляло ему огромное удовольствие.

Увидев Хэ Сяня сегодня, Чжу Линсы впервые понял, что тот не отличается крепким здоровьем.

Рядом с таким высоким и статным человеком, как Се Цзин, Хэ Сянь казался ещё более щедушным и худым, на его щеках почти не было ни капли румянца.

Он улыбнулся и сказал:

— Зная твоё доброе сердце, я понимаю: тебе невозможно смотреть, как я день за днём бездельничаю дома, вот ты и нашёл мне эту прекрасную работу.

Се Цзин в ответ лишь мягко улыбнулся. Хэ Сяня он пригласил, чтобы тот занялся начальным образованием Чжу Линсы.

Он заметил, что Чжу Линсы несколько «робеет» перед старшими сановниками, а сам Се Цзин, когда в своё время учил своего племянника Се Чжэня, довёл того сорванца до горьких слёз. Если теперь он ещё и императора напугает, будет совсем нехорошо.

Поэтому, поразмыслив, он остановился на Хэ Сяне. Хэ Сянь был человеком обширных знаний и эрудиции, а среди всех его знакомых — самым мягким и приятным в общении. К тому же он виртуозно владел кистью и был знаменитым каллиграфом своего времени.

В последнее время Хэ Сянь почти не выходил из своей усадьбы, и Се Цзин хотел этим случаем выманить его немного прогуляться.

— Учитель Хэ, мне нужно держать в ладони яйцо? — с любопытством спросил Чжу Линсы.

Услышав эти детские слова, Хэ Сянь не смог сдержать улыбки. «Держать кисть крепко, ладонь же должна быть пустой» — из уст малолетнего императора это звучало особенно забавно.

Ученик оказался куда сговорчивее, чем он ожидал: послушный, прилежный, очень усердный, не нуждался в понуканиях, после уроков сам делал домашние задания, а иногда даже занимался дополнительно.

Чжу Линсы же Хэ Сяня очень полюбил. Читая классические труды, он, сталкиваясь с любыми вопросами, всегда обращался к Хэ Сяню, и даже на самые нелепые и дилетантские вопросы тот давал ясные и обстоятельные ответы.

«У талантливого человека и мозги устроены иначе», — невольно восхитился про себя Чжу Линсы.

Теперь ему пришлось признать: маленький император из книги, не желавший учиться, действительно имел некоторые проблемы с интеллектом. Как бы усердно он ни зубрил днём, за ночь всё забывалось почти полностью.

Память у маленького императора была плохая, в учёбе не хватало положительной обратной связи, отчего процесс терял всякий интерес, вот он и забрасывал занятия. Но это не беда: Чжу Линсы был взрослым человеком, он знал, что усердие может компенсировать недостаток способностей, к тому же испытывал острое чувство срочности.

Как же иначе он сможет составлять экзаменационные тесты и проверять работы для лучших умов всей страны?

Иногда, когда приходил Се Цзин, Хэ Сянь, задав Чжу Линсы урок, удалялся с ним в сторонку пить чай и играть в вэйци. Чжу Линсы, выводя иероглифы, время от времени уставал глазами и бросал взгляд к окну, где двое, погружённые в игру, казались частью написанной свободной кистью картины.

Внезапно сердце Чжу Линсы сжалось. Раньше, читая книгу, он помнил Хэ Сяня лишь как талантливого человека, больше никаких впечатлений не осталось. Теперь же, проведя с ним эти дни, он всё больше проникался симпатией к этому мягкому и умному учителю Хэ, и тут-то он вспомнил причину своей смутной памяти.

Роль Хэ Сяня в книге была невелика. По сути, в книге он умирал через два года.

Из-за слабого здоровья Хэ Сянь так и не женился, и лишь на пороге смерти поспешно взял в жёны одну женщину. Вспомнив об этом, Чжу Линсы смотрел на всё ещё ходящего перед ним Хэ Сяня, и сердце его болезненно ныло.

Может ли он что-то сделать? Однажды, после того как Хэ Сянь взял отгул из-за лёгкого недомогания, Чжу Линсы осторожно спросил, не стоит ли снова пригласить императорского лекаря.

Хэ Сянь улыбнулся и ответил:

— С момента моего появления на свет я уже утруждал всех мастеров из Тайиюаня, полагаю, они больше не жаждут меня видеть.

Чжу Линсы оставалось лишь погрузиться в уныние.

Князь Ци каждые десять дней являлся с визитом к Чжу Линсы. Увидев Хэ Сяня, они обменялись лёгкими, едва заметными улыбками. Чжу Линсы почувствовал, что в этих двоих есть что-то схожее: князь Ци был более резким и прекрасным, Хэ Сянь же — спокойным, скромным и мягким, но под совершенно разной внешностью оба хранили в себе строптивый нрав.

Каждый раз, когда приходил князь Ци, Се Цзина почему-то не было, словно так и было условлено.

Иногда, когда Чжу Линсы упражнялся в каллиграфии или читал, а Хэ Сяню было нечего делать, тот, подняв запястье, водил кистью, выводя стремительные, как драконы и змеи, штрихи. Подойдя посмотреть, Чжу Линсы мог только выдохнуть «Ничего себе!», ощущая обрушивающуюся на него мощь и изящную красоту, но если бы его спросили, что именно написал Хэ Сянь, он наверняка стал бы читать, спотыкаясь на каждом слове.

После февраля Чжидяньцзянь перенёс из императорского сада несколько горшков с орхидеями. Как раз на письменном столе Чжу Линсы стоял один такой горшок, и орхидеи как раз распускались, наполняя воздух чарующим ароматом. Хэ Сянь, вдохновлённый, смотрел на эти цветы и пускал в ход кисть с тушью.

Несколькими скупыми штрихами он передал бесконечное изящество и настроение. Чернила ещё не успели высохнуть, но уже казалось, будто от них исходит тонкий, едва уловимый аромат.

Чжу Линсы, наблюдая за этим, тоже заинтересовался и, подражая Хэ Сяню, взял кисть. В последнее время он уже освоился с кистью, да и летние курсы живописи дали ему базу, так что, сделав пару штрихов, он тоже смог изобразить нечто похожее.

Пусть и не дотягивало до уровня Хэ Сяня и на десятую долю, сам Чжу Линсы остался доволен. Он согласно кивнул и вдруг заметил, что Хэ Сянь пристально смотрит на нарисованную им орхидею.

Хэ Сянь уже видел его каллиграфию, а теперь узрел и его посредственную живопись. Хотя с современными талантами ему всё равно не сравниться, самолюбие заставило Чжу Линсы покраснеть.

— Ваше Величество, — сказал Хэ Сянь, — когда ведёте кисть, постарайтесь прикладывать к запястью ещё меньше силы. Давайте попробуем.

Чжу Линсы отнёсся к этому с недоверием. Он как раз изо всех сил старался преодолеть слабость запястья, чтобы линии получались плавными, а Хэ Сянь велит ему ослабить хватку.

Но, к его удивлению, когда он попробовал рисовать, как сказал Хэ Сянь, в местах изгибов стебли орхидеи стали выглядеть более гибкими и изящно вытянутыми, обрели больше сходства с оригиналом.

Хэ Сянь слегка улыбался, словно спрашивая: «Ну как?» Чжу Линсы преисполнился восхищения, но не знал, как выразить свои чувства.

Учитель и ученик читали, писали, рисовали, болтали, перекусывали чаем с закусками — жизнь текла очень безмятежно. Вот только каждый раз, когда Хэ Сянь брал отгул по болезни, Чжу Линсы немного нервничал.

Он тоже задумывался: не слишком ли обременительно для здоровья Хэ Сяня каждый день являться во дворец к определённом часу? Но, видя, как тот, едва оправившись от болезни, с горящими глазами проверяет его знания, он понимал, что его беспокойство излишне.

Хэ Сянь заботился не только о его успехах в общеобразовательных предметах, но, кажется, уделял ещё больше внимания урокам рисования. Отлежавшись несколько дней, он, едва вернувшись, тут же попросил Чжу Линсы нарисовать орхидею и посмотреть.

Чжу Линсы пришёл в замешательство.

Он сказал:

— Учитель Хэ, я больше не хочу рисовать.

Поскольку очки симпатии уже давно не росли, 4848 вышел на связь и велел Чжу Линсы поразмыслить над своим поведением.

Изучая с Хэ Сянем историю и хорошо зная о злодеяниях дурных правителей, Чжу Линсы внимательно подумал и предположил, что, вероятно, всё испортило именно рисование орхидей.

Конечно, у каждого есть свои увлечения, но для императора иметь особенно выдающееся хобби — дело совсем нехорошее.

Ли Хоучжу, молодой человек, увлечённый литературой, император Сун Хуэй-цзун,

совершенствовавшийся в каллиграфии и живописи, император Чжу Юцзяо, знатный плотник — все они сияли в сфере своих увлечений, однако в главном деле их правления царил полный провал. На протяжении тысячелетий они служили наглядным примером того, как не надо делать.

Теперь, когда Хэ Сянь обнаружил у него небольшую склонность к живописи тушью, не стоит продолжать развивать это увлечение, — так думал Чжу Линсы.

Хэ Сянь с любопытством спросил:

— Почему Ваше Величество больше не хочет рисовать?

Чжу Линсы не мог вымолвить правду, чувствуя, что предал доверие Хэ Сяня. Но, встретившись с его искренним взглядом, он не смог солгать.

И тогда Хэ Сянь увидел, как маленький император, покраснев, глубоко вдохнул и выдавил из себя крошечным ртом:

— Разве может добродетельный государь войти в историю благодаря орхидеям?

Он предполагал, что Хэ Сянь непременно рассмеётся над его нелепостью.

Хэ Сянь не засмеялся.

Он подумал и мягко сказал:

— Ваше Величество, помните ли вы вот это:

«Когда чувства рождаются в сердце, они облакаются в слова. Слов недостаточно — их дополняют вздохами. Вздохов недостаточно — начинают петь. Пения недостаточно — невольно начинают притоптывать ногами и прихлопывать в ладоши».

Чжу Линсы кивнул. Это были слова из «Предисловия к „Шицзину“».

— Ваше Величество, вы несёте на себе Небесный мандат, ваша благодать распространяется на весь народ, и тяготы этого пути я не могу постичь и на тысячную долю.

Эта внезапная лесть заставила Чжу Линсы растеряться.

— Если в будущем окажется, что ни слова, ни вздохи, ни танцы не могут выразить ваши мысли и чувства, как вы тогда справитесь?

Сердце Чжу Линсы согрелось.

Хэ Сянь искренне заботился о нём.

Он не воспринимал его лишь как императора, а действительно видел в Чжу Линсы своего ученика, ребёнка, нуждающегося в жизненном наставлении.

Хэ Сянь понимал: Чжу Линсы взошёл на престол в малолетнем возрасте, его жизнь непременно будет необычной, кто знает, какие бури и потрясения ждут его впереди. А государь с древнейших времён — сирота и одинокий человек, владеет всем миром, но поведать свои заботы ему некому.

Он не мог стать помощником нового правителя в управлении, но мог научить его каноническим истинам и принципам, а также научить находить радость в безделице, сохранить для себя немного интереса, чтобы в крайнем случае можно было найти утешение и разрядку в себе самом.

Чжу Линсы ответил согласием и поклонился Хэ Сяню. Его учитель Хэ и вправду был необыкновенным человеком.

Однако Хэ Сянь всё же рассказал Се Цзину фразу «Разве может добродетельный государь войти в историю благодаря орхидеям?».

— Судя по тому, что я видел за эти дни, государь куда лучше, чем о нём говорят, да и вообще довольно занятный, — так сказал Хэ Сянь.

Се Цзин испытывал те же чувства, но считал, что Чжу Линсы поступил правильно.

Он сам был целеустремлённым человеком, поэтому и ценил усердных и сосредоточенных людей.

Авторское примечание: Прошу подписок и комментариев... целую о(□ε□*)

<http://bllate.org/book/16200/1453954>